

Актер, который не устал

С Николаем КАРАЧЕНЦОВЫМ
беседует обозреватель «МН» Нина АГИШЕВА.

Николай Караченцов, только что отметивший свое 50-летие, принадлежит к тому актерскому поколению, которое прямо на наших глазах становится старшим, главным в отечественном театре.

Он учился в Школе-студии МХАТа, когда там еще преподавали Станицын и Топорков и когда там уже рассказывались байки о студенческих годах Ефремова и Евстигнеева. Может быть, его сверстники были последними, кто посещал занятия в alma mater с таким трепетом и нетерпением; нынешние — другие, они спокойнее и холоднее, во всяком случае внешне. Поколение же Караченцова из невозвратных золотых времен, о которых само знает лишь понаслышке, тянет ниточку совестливости, восторга и почти благоговейного отношения к своему лицедейскому делу, которое всегда отличало русского артиста.

На театре ему везло: верно говорят, что ролей не должно быть много — они должны быть заметные. Когда в 1974-м новоиспеченный главный Марк Захаров выпускал «Тиля» в переживавшем нелегкие времена Ленком, ему нужен был только успех. И он его добился — вместе с исполнителем главной роли, длинноволосым по тогдашней моде Колей Караченцовым, который на другой день после премьеры проснулся знаменитым. В молодом (хотя по нынешним временам и не очень — ему тогда уже было тридцать) артисте сошлось многое: обаяние мужской силы (тех, кто этим на сцене обладал или обладает, наперечет: Ефремов, Высоцкий) и ершистость мальчика семидесятых, безликому времени противопоставившего незаурядность личности. Все эти непростые материи были облечены в том спектакле в доходячи-

вую и зажигательную музыкальную форму, будоражившую зал. Потом было еще одно точное попадание во Время: герой безвременья граф Резанов из «Юноны» и «Авось», когда едва ли не каждый зритель этой восхитительной постановки мог повторить вслед за ним: «Расформированное поколение, мы в одиночку к истине бредем». Четырнадцатый год Караченцов играет этот спектакль как на премьере: «на разрыв аорты», до седьмого пота.

В «Тиле» он начинал с Инной Чуриковой — с ней же предстал в новом качестве в спектакле Глеба Панфилова «Сонгу». Его Юра Звонарев, волей судьбы ставший гражданином Израиля, тоже выражает общественные перемены, но в игре актера появилось что-то иное — тишина, глубокий психологизм, затененная горечь. На смену бешеному напору и упоению юности пришли человеческая основательность, трезвая ирония, ощущение силы. Впрочем, все его герои, в какие бы ситуации они ни попадали, непостижимым образом сохраняют веру — качество, о котором все мы, после небольшого перерыва, вновь затосковали.

— После «Школы для эмигрантов», фантазии-каприза Мастера на тему странной и маловразумительной пьесы, ты три года не играл у Захарова. Переживаешь?

— С одной стороны, да. Не знаю, сколько нам всем еще опущено жить, и если я уже об этом задумываюсь, значит, сколько надо успеть еще сделать. С другой — сегодня играю по 10 — 15 спектаклей в месяц, а еще кино, концерты. Хотя работа с Захаровым — дело особое.

Захаров — человек не прогнозируемый. Когда после «Тиля» он поставил «Иванова», а после «Юноны» — «Трех девушек в голубом», у меня было четкое ощущение, что это делал другой режиссер. Все было другим — эстетика, природа мышления. Ведь он, найдя жанр «Тиля», копнул золотую жилу и мог бы из нее всю жизнь черпать: публика бы валом валала. Но Захарову это неинтересно, ему надо открывать что-то принципиально новое, как вот сейчас в «Чайке». Как бы к ней ни относиться, очевидно: это делал режиссер, и он в хорошей форме.

— Наверное, ты мог бы интересно сыграть там Дорна. А вообще играл когда-нибудь Чехова?

— Федотика в Школе-студии. А в театре — нет. Впрочем, комплексов по этому поводу не испытываю.

Хочу играть у Захарова, но боюсь зацелиться на одном режиссере. Я вот не попал к Толе Васильеву: он начинал у нас репетировать «Виндзорских проказниц», но что-то не заладилось. Потом вдруг некоторые артисты говорят: а мы уже с другими работать не можем. И не потому, что другой язык, а потому, что неинтересно. Васильев, догадываюсь, не подарок — у него можно входить на сцену в дверь в течение полуночи и слышать «не верю». Но он великий режиссер. Переживаю, что так и не встретился с Эфросом, Товстоноговым. БДТ в его лучшие годы вообще был для меня точкой отсчета. И даже переговоры были о работе Товстоногова у нас, но не случилось.

— Ты много снимаешься в кино, на телевидении. У тебя есть агент?

— Нет, а надо бы. Артисту неудобно самому говорить о деньгах. Тем более что разные бывают случаи: помню, как я влюбился в свою роль в сценарии картины «Белые росы» и рванул в Минск на «Беларусьфильм» — да я бесплатно бы ее сыграл. А от предложения, порочащего мое актерское имя, отказался бы, невзирая на сумму гонорара. Сегодня уже почти нет государственных картин, где тебе платят согласно твоей актерской ставке. Об этом теперь договариваются конкретно в каждом отдельном случае, и можно торговаться. Но сам факт торговли крайне неприятен для актера.

— Почему тебя так редко можно увидеть на кинофестивалях?

— Некогда, да и по природе я не тусовщик. Впрочем, ездил ненадолго в Калининград на «Янтарную пантеру» — два дня в угаре. Хотя мне там понравилось вот что: если в жюри Ежи Гофман, серьезные критики из Европы — я понимаю, что с ними трудно договориться, их не купишь и призы не распределишь заранее.

Я, например, ни разу не соглашался участвовать в круизах. Мне говорят: каюталюкс, с женой, сыном, за это — один концерт туда и один — обратно. Отец мне как-то сунул газету, где написано, что на таком-то теплоходе вы замечательно проведете время в компании Николая Караченцова, сказал: «Иди судись». Новые русские — это разные люди. Есть среди них и приличные, умные, но есть другие, из разряда «златая цепь на дубе том». Значит, в замкнутом пространстве круиза ты обязан с ним общаться, а с ней — танцевать (тебя же как артиста взяли), и есть в этом что-то унизиительное.

— А ночной клуб тебе в твоём театре не мешает?

— До сих пор раздваиваюсь. В принципе все в душе против, потому что есть аура театра, есть то, что с куплей-продажей несовместимо. Но когда мне говорит директор, что у нас в театре люди благодаря этому зарабатывают больше, чем в других труппах, когда в гримерной рядом со мной сидят шесть человек, и далеко не все так активно снимаются, потому что объем кинопроизводства падает, и не у всех есть коммерческая жилка и умение заработать новым способом в новых условиях, значит, человек жи-

вет только на зарплату, и ему, и его семье этот дополнительный источник дохода жизненно необходим. Но где та грань, которую нельзя переступить? А если публичный дом открыть — ведь еще больше денег будет? Поэтому не знаю, как, с одной стороны, не превратиться в брюзжащего идиота, а с другой — не расстранжирить, не растерять то, чем живу и что есть мой бог, Арости за высокий слог.

— Сегодня театр любит эпатировать зрителя, с мальчишеской жадностью дорвавшись до некогда запретного. Вот ты, например, мог бы на сцене раздеться, как только что гастролировавший в Москве известный немецкий актер Фолкер Росс в «Макбете»?

— Только если будет один зритель и желательно женского пола. Пока что мой максимум «вседозволенного» — это слово «засранцы» в «Сонгу». И слава Богу, потому что так можно далеко зайти. Вот завтра мне говорят: давай матерного Пушкина поставим, если все можно, то почему это нельзя?

— Каково, по-твоему, сегодня место театра в общественной таблице о рангах?

— У меня такое ощущение, что его рейтинг повышается. Ведь это обман, что бороться можно только с властью или еще с каким-то внешним врагом, как это делала наша сцена долгое время. С кем боролся Лев Толстой, когда писал «Воскресение»? Ни с кем, а тем не менее боролся и что-то очень важное для себя отстаивал, то, что у него определилось, созрело в душе. Для того чтобы это созрело, нужно время. А в театре многие сначала растерялись: действительно, старые темы, приемы не годятся, непонятно, чем удивлять, не голой же задницей, в самом деле. Но стали вдруг появляться спектакли, на которые пошел зритель. Теперь говорят: в театре этом непонятно что, но вот Лизу Никищину в «Женитьбе» надо обязательно смотреть. И вот по миллиметру, по отдельным искоркам собирается успех.

Не хочу сказать, что наступает стабилизация нашего общества, но народ смертельно устал от того, что все становится хуже и хуже, а если всю жизнь так будет — тогда что, вообще никаких праздников? Нет, думает человек, дай-ка я надену белую рубашку, и пойдем, жена, в театр. Три года назад это было не так актуально: воевали за демократию, потом разочаровались в одних, потом в других, а потом устали переживать, что колбаса все время дорожает. Ну не колбасой же единой!

— Ты темп жизни своей не снизил, существуешь в таком же безумном ритме, как, скажем, лет десять назад?

— Боюсь, что в еще более безумном. Тут много причин: характер и, может быть, то, что я четко знаю: если долго ждешь заветной роли, надо быть в форме, когда тебе ее предложат. Как сделать при этом так, чтобы себя не потерять, не заштамповаться? Не знаю. Я уверен, что у меня много брака в работе — картин, песен, хотя от большинства предложений отказываюсь. Но есть актерская жадность, особая лицейская страсть — сыграть обязательно!

— Ты не устал?

— Мужчина не имеет права соединять два этих слова. Не помню, кто мне это сказал, но я всегда стараюсь следовать этому правилу.

